

На заседании кабинета министров министры были глубокомысленны.

Все были высокопоставленными элитными членами империи и знали, что теория Хуан Цзунси, несомненно, верна; в то время, чтобы решить проблему нехватки серебра у себя дома, Да Мин использовал зарубежную торговлю для того, чтобы торговать необходимым количеством серебра у себя дома, так что существовала крупномасштабная зарубежная торговля.

Чай, фарфор и шелк, произведенные Да Мин, постоянно продавались в зарубежные страны в обмен на большое количество серебра, которое использовалось для оплаты труда местных чиновников и покупки продуктов питания для фермеров, в результате чего заграничный рынок стал процветать.

Серебро как валюта процветала на внутреннем рынке дамбы, стимулируя развитие сырьевой и рыночной экономики.

Однако цена за это - все более интенсивная эксплуатация крестьянства!

Поскольку крестьяне не могли извлечь больше пользы из, казалось бы, процветающего рынка и зарубежной торговли, они становились все беднее и беднее, потому что императорский двор взимал единый налог со всей земли, независимо от того, была она хорошая или плохая, а богатство все больше концентрировалось в руках правительства и некоторых купцов, что усугубляло проблему аннексии земли династии Мин!

Размышляя, главный секретарь кабинета Ян Тинлинь спросил: "Министерство Хуан, у вас есть решение?".

"Там!"

Хуан Цзунси сказал: "Если вы хотите полностью решить недостатки самонарезающего дендро и уменьшить нагрузку на людей, вам нужна основательная реформа, а не введение политики перемен!

Янг Тинлин сказала: "Скажи мне!"

Хуан Цзунси посмотрел на Яна Тинлиня и других членов кабинета и сказал: "Единственный способ отменить этот сельскохозяйственный налог - это отменить государственное зерно!".

"Что?"

Первым, кто сразу же отреагировал, был Цюй Чжичжун из Сифу, который вскрикнул: "Императорский зерновой и государственный налог - это древний закон, который тысячелетиями действовал на моей китайской земле, как его можно отменить!".

Все они были несколько удивлены, воздух во всем дворце внезапно застыл, и несколько министров кабинета посмотрели на главного министра Яна Тинглина.

Несмотря на то, что Ян Тинлинь был несколько подготовлен, слова, исходящие из уст всегда осторожного и послушного Хуан Цзунси, заставили его в шоковом состоянии широко открыть глаза.

Он на мгновение задумался и медленно сказал: "Слова Хуан Бижан не без причины, но..."

Прежде чем закончить предложение, глаза Цюй Чжичжуна уставились на Ян Тинлиня и чуть не заревели: "С древних времен платить королевское зерно и платить государственный налог - это естественная и праведная вещь для народа, чего хочет ваш кабинет?"

Этот низкий рев его сотрясал очень тихий зал Вэнхуа, чтобы отголоснуться.

Лоб Яна Тинлиня бороздил от недовольствия, и он медленно закрывал глаза.

Министр доходов Чжан Гуовэй с приглушенным лицом ударил по сандаловому столу и встал: "Евнух Цюй, это заседание кабинета министров!".

Глаза у всех становились все более и более напряженными, глядя на Цюй Чжичжун, а затем на Чжан Гуовэй.

Наконец, именно Ли Янь встал, кашлянул и высказался, чтобы успокоить: "Придворный господин Чжан успокаивает свой гнев, Евнух Цю успокаивает свой гнев, сегодня это всего лишь ходатайство, и, в конечном счете, оно должно быть санкционировано Его Величеством".

Цюй Чжичжун был взволнован и перестал говорить, только оттеснив команду документов на столе перед ним.

Этот вопрос был создан Хуан Цзунси, он, естественно, не мог быть сокращающейся черепахой, ему оставалось только заставить себя сказать: "Вся публика успокоится, и послушайте мой анализ пару минут".

Он перевернул общую бухгалтерскую книгу министерства финансов перед ним и сказал: "В прошлом году, мои три столицы 18 провинций, общий налог и серебро за весь год было 185 367 000 серебряных юаней, из которых сельскохозяйственный налог составлял 20%, тариф 30%, а коммерческий налог 50%".

"Годовые налоговые поступления нашего Великого Мина продолжают устанавливать новые исторические максимумы, самые высокие в любой династии!"

Хуан Цзунси сделал паузу и продолжил: "Это достижение не было связано с тем, что моя династия практиковала непомерное налогообложение и тяжелую систему налогообложения; напротив, налоговая ставка моей династии Тяньву была самой низкой почти во всех династиях! А виды налогообложения - самые малочисленные!"

"Это убедительно доказывает, что торговая политика Его Величества правильна, а доходы все больше зависят от оборота товаров! Даже если ты снимешь 20-процентный сельскохозяйственный налог, это не отразится на ежегодных расходах суда, а наоборот, все равно останется некоторый профицит, которого достаточно для решения неотложных вопросов!".

Услышав это, цвет лица Цю Чжичжуна лишь слегка замедлился.

Он всегда считал, что основная часть налогообложения Великих Мин по-прежнему полагается на сельскохозяйственные налоги, например, до династии Чунчжэнь доля сельскохозяйственных налогов в общих налоговых поступлениях Великих Мин составляла бы почти 90%!

Тем не менее, Цюй Чжичжун все еще придерживался нижней линии, он сказал: "Этот вопрос может быть поставлен на голосование вашим кабинетом, но госсекретарь никогда не

одобрит красное, этот вопрос важен, у меня нет полномочий решать, мы должны ждать святого постановления Его Величества!

Все глаза снова посмотрели на Яна Тинлиня, который слегка закрывал глаза, когда Ян Тинлинь остался без выражения лица, явно дуясь на Цюй Чжичжун за незнание правил.

Наконец, он сказал: "Законопроект Министерства финансов, кабинет министров пока не подпишет его, пока Его Величество не вернется в столицу, а затем не представит его на имперское рассмотрение Его Величества".

Цюй Чжичжун посмотрел снаружи дворца и увидел, что уже темно, поэтому он сказал: "Это заседание кабинета закончится на этом, наша семья..."

Прежде чем закончить предложение, он увидел только евнуха, спешащего за пределы дворца, с тревогой кричащего издали: "Крестный отец, это плохо..."

Брови Цю Чжичжуна бороздили, шрамы на его лице становились все более и более отвратительными, когда он кричал глубоким голосом: "Ублюдок, воющий траур..."

Евнух, который бросился выть его траур, тот самый Шуньцзы, которому днем было приказано инвентаризировать коллекцию Dauben Hall, и он не мог ни о чем заботиться, он просто встал на колени в зал и закричал: "Крестный отец, Dauben Hall кончается водой".

"Что!"

Не только Цюй Чжи Чжун был шокирован, даже несколько министров кабинета расширили и устали на своих учеников.

Министр Хунгуань Му Сян был еще больше похож на серебряную иглу, сидящую на его заднице, подпрыгивающую и идущую к Шуньцзы, поднимающую воротник и кричащую: "Где наследный принц?"

В Большом зале учился наследный принц, и, согласно пониманию Мо Сяна, усердный и прилежный наследный принц должен учиться у фонаря прямо сейчас!

Окруженный евреями Сифу и группой министров кабинета, лицо Шуньцзы дрожало, дрожало: "Огонь имеет внутреннее происхождение....". Слишком свирепо, дворцовые люди внизу забирают воду, чтобы потушить огонь, наследный принц все еще должен быть внутри..."

"Ублюдочный пёс-гений!"

Цюй Чжичжун в гневе скрежещал зубами, и после пинка Шуньцзы поспешил привести людей в Доменный Зал.

Мандаринский дворец находится недалеко от главного зала, группа людей только что вышла из двери зала на левый поворот, они увидели, что весь главный зал горит пламенем.

Дворец вверх и вниз в панике, сотни евнухов, девиц туда-сюда, чтобы нести воду, чтобы потушить огонь, расположенный у полуденных ворот сотен императорских стражников даже услышали весть о грядущем пожаре.

После шока Цюй Чжичжун резко закричал: "Быстро иди и спаси своего господина!"

Сказав, что, не дожидаясь никого другого, чтобы действовать, он взял на себя инициативу и

дартс в сторону главного зала.

Ошеломленный на мгновение, он также погрузился в горящее огненное море.

Еще до того, как они вдвоем просверлили, в главном зале с мужчиной на спине они увидели тощую фигурку, похожую на обезьяну.

"Это Маленький маркиз!"

Цюй Чжичжун остановился на своем пути и высунул глаза в огонь, окончательно опознав человека.

Это был Сунь Чжиюань, старший сын герцога Цинь, который убегал от огня, неся на спине принца Чжу и Его Величество.

Цюй Чжичжун и Ман Сян сразу же встретились с ними и сопроводили во дворец Вэньхуа.

Сунь Чжиюань, которому было всего тринадцать лет, опустил князя Чжу и Его Величество и сел на ступеньки главного зала, тяжело дыша, вытирая с его лица пепел и уголь.

"Ваше Высочество, вы в порядке?!"

Круг евнухов и министров кабинета окружил наследного принца и продолжал приветствовать его, опасаясь, что что-то может случиться с этой молодой родоначальницей.

"Этот дворец в порядке!"

Чжу и Его Величество, кроме того, что волосы у него были немного взъерошены от огня прерий, а лоб был горячий с кругом пота, где была половина проблемы.

Он проигнорировал группу министров и евнухов и сел на ступеньки, подцепив плечо Сунь Чжиюаня и сказав: "Брат Чжиюань, ты сгорел, хочешь позвать Императорского Доктора?".

Сунь Чжиюань встал и вежливо сказал: "Я в порядке, спасибо за заботу вашего высочества".

Чжу Хэ И похлопал по плечу и сказал: "Эй, я сказал, что могу вырваться сам, но ты должен был бежать за моей спиной, нет, этот дворец будет тебе должен!"

"Как спутник Вашего Высочества, мой долг - защищать безопасность Вашего Высочества!"

Хотя Сунь Чжиюань был маленьким, он знал больше причин, чем кто-либо другой.

Чжу Хэдзи помахал рукой, улыбнулся и сказал: "Во дворце это не твой долг".

Он вдруг замерз, посмотрел на него и выпил: "Спутник Цю, ты так говоришь"?

Окружающие придворные сановники испытали внезапный шок в своих сердцах, и в это время кронпринц, несмотря на то, что ему было всего восемь или девять лет, пришел к власти, его лицо было таким же убийственным, как и в молодости императора Тянь У.

Цю Чжичжун в мгновение ока встал на колени, его лицо запаниковало: "Старый раб некомпетентен..."

Чжу Хэдзи прервал его и хладнокровно храпел: "Ты человек отца, этот дворец не достаточно

хорош, чтобы взять тебя, когда отец вернется во дворец, ты знаешь последствия, почему бы тебе не пойти и не узнать, кто устроил этот пожар!

"Да... Да".

Лоб Цю Чжичжуна сильно потел, но это было похоже на падение в ледяной погреб.

Он пристально смотрел на своего крестника Шунзи, который также стоял на коленях на земле, и это было похоже на то, как будто у него в груди был порох, и он хотел взорваться.

Первое, что тебе нужно сделать, это взглянуть на это.

<http://tl.rulate.ru/book/41393/1100437>